

ИСТОРИЯ

УДК 929.2

Г.Ф. Быконя

РОДОСЛОВИЕ ПРАСКОВЬИ ТОРГАШИНОЙ, МАТЕРИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СУРИКОВА

G.F. Bykonya

THE GENEALOGY OF PRASKOVYA TORGASHINA, MOTHER OF THE GREAT RUSSIAN ARTIST VASILY SURIKOV

Торгашина Прасковья Федоровна (13.10.1818–4.02.1895) была второй женой отца художника Ивана Васильевича Сурикова. Установлено, что предком Прасковьи Федоровны Торгашиной был пеший казак «Яков Петров Торгоша». Он служил в Красноярском остроге еще с 1629 г. годовальщиком в составе Томской сотни, а через год добровольно перешел в частично прежде расформированный первый красноярский гарнизон. Вопреки расхожему мнению, на котором упорно настаивал сам художник, по матери он происходил не из казачьей, а из в пяти ближних коленах крестьянской ветви Торгашиных, начиная с прапрадеда Андрея Константиновича, записанного из казачьего сына в крестьяне. Прямая поколенная роспись матери великого художника являлась старшей основной ветвью общего родословия Торго(а)шиных и состояла из девяти звеньев: пробанд Прасковья – дочь, Федор – отец, Егор – дед, Иван – прадед, Андрей – пращур, Константин – прапращур, Роман – прапрапращур, Яков – прапрапрапращур, Пётр – прапрапрапрапращур. Обширное общее родословие Торгашиных состояло из двух, Якова и Петра, ветвей, которые основательно разветвлялись за четыреста. Даже неполные подсчеты дали до 1000 человек различного сословно-социального статуса, рода деятельности и не одной национальной принадлежности. В геноме гениального художника и со стороны матери отразились гены выходцев представителей двух (южной и северной) ветвей русского народа и самодийско-тюркского этноса, ставших основой субэтноса русских сибиряков.

Ключевые слова: Красноярск, генеалогия, родословие, казаки и крестьяне Торгашины и Суриковы, Прасковья Федоровна Торгашина.

Torgashina Praskoviya Fedorovna (13.10.1818–4.02.1895) was the second wife of the artist's father Ivan Surikov. It was established that the ancestor of Praskovia Fyodorovna Torgashina had been walking Cossack "Yakov Petrov Torgosha". He served in Krasnoyarsk prison since 1629 in Tomsk hundred as one-year hired man, and a year later voluntarily moved to partially previously disbanded first Krasnoyarsk garrison. Contrary to popular belief, on which persistently insisted even the artist himself, on his mother, he did not come from Cossacks, but from five near tribes of peasant branch of the Torgashins, starting from his great-grandfather Andrey Konstantinovich, who was rewritten down from Cossack son in peasants. Direct generational list of great artist's mother was the senior main branch of common family tree of the Torgo(a)shins and consisted of nine parts: proband Praskoviya – daughter, Feodor – father, Egor – grandfather, Ivan – great grandfather, Andrey – ancestor, Constantin – great ancestor, Roman – great great ancestor, Yakov – great great great ancestor, Peter – great great great great ancestor. Extensive general Genealogy of the Torgashins consisted of two, Yakov and Peter, branches that were thoroughly split over four hundred. Even incomplete calculations gave approximately 1000 people of different social status, occupation, and not single national affiliation. In the genome of brilliant artist from his mother were the genes of the natives of representatives of two – southern and Northern – branches of the Russian people and the Samoyed-Turkic ethnos, which became the basis of the subethnos of Russian Siberians.

Keywords: *Krasnoyarsk, genealogy, genealogy, Cossacks and peasants, the Torgashins and Surikovs, Praskoviya Fyodorovna Torgashina.*

Гендерная история – одно из новых направлений в отечественной исторической науке. Роль женщин, которые объективно и потенциально, а зачастую и реально, интеллектуальнее мужчин, трудно переоценить в истории человечества. (Понятно, что его, некоторая самолюбивая, мужская часть из-за традиционных амбиций до сих пор не желает признавать эту аксиому.) Не случайно у всех народов и языков с незапамятных времен существует особый культ матери. В частности, как человек мира, В.И. Суриков, подростком потерявший отца, это особенно остро чувствовал и осознавал. Так, современники нашего великого земляка свидетельствовали: «Вспоминая, кому он обязан своим искусством, Суриков более всего отдает дань признательности сибирской природе и матери... Она тонко разбиралась в полутонах и обладала чувством колорита, производившим на художника, по его признанию, неотразимое впечатление. Еще в 90-х годах, вопреки своему обычаю, он слушался ее советов

при создании картины «Городок» («Взятие снежного городка». – Г.Б.), она помогала ему иногда находить и создавать костюмы для героев его «Ермака». Неслучайность, что в живописи Сурикова главную роль играет колорит – женственное начало искусства [1, с.198].

Специальных работ по роду Прасковьи Торгашиной нет. Только в публикациях о её знаменитом сыне приводятся беглые справки о ней и её близких [2]. Крупный сибирский ученый – библиограф Степан Николаевич Мамеев (27.12.1859 – 1939) в 30-е годы XX в., составляя по заказу Третьяковской галереи родословие Василия Ивановича Сурикова, привел неточные сведения о его матери. Впоследствии уроженец Енисейской губернии С.Н. Мамеев продолжил работу. Он набрал, в основном из церковных источников XVIII – конца XIX в. (исповедных росписей, метрических, а также обывательских книг), огромный массив имен по Суриковым и Торгашиным, но не успел выполнить их систематизацию. Трудночитаемые черновые, даже иногда карандашом и с ошибками выписки нашли свое место в местном архиве [3, 4].

Мне уже доводилось разбирать вклад и недочеты по данной теме этого настоящего скромного подвижника науки и патриота своей малой Родины [5, с. 256–261]. Лишь отмечу, что отсутствие несохранившихся на местах материалов по XVII – середине XVIII в. обусловило белые пятна и ошибки, особенно в первых коленах родословий родителей художника.

Упоминания о его матери и близких художника приводятся и в публикациях воспоминаний и писем художника, его друзей [6]. Ценным источником являются опубликованные С.В. Бахрушиным подворная перепись Красноярска с уездом 1671 г. [7, с. 218–220] и иждивением И.А. Сиротинина, первая подушная перепись 1720 г. [8].

Новые привлеченные материалы (окладные денежные и хлебные книги красноярских казаков 1630, 1637, 1694, 1700 и 1701 гг.; ландратская перепись 1710/13 г. подушные переписи населения Красноярска с уездом 1744, 1762 гг.; делопроизводство Красноярской воеводской канцелярии, Енисейской губернской казенной палаты и другие архивные материалы) [9] позволили выявить всю поколенную иерархию Торгашиных.

Удалось установить, что на территории Красноярья на 1629/30 г. по окладным денежным и хлебным книгам казаков числилось два Торгашина. В Енисейский острог перевели из Березовского острога «Ивашку Григорьева устюжанина Торгошина» [10, л.49]. В Красноярский же острог в том же году прибыл как годовальщик из Томской казачьей сотни «Якунко Петров Торгоша». Его появление связано с обстоятельствами начальной истории Красноярского острога.

Андрей Дубенский к 1628 г. для основания острога не смог набрать в сибирских уездах добровольцев «указное число» в 400 служилых людей. Эту сотню с августа 1629 г. по конец 1630 г. в Тобольске, Томске и Енисейске пытался набрать с ведения новоучрежденного разрядного города

Томска энергичный Осип Федорович Акинфов, официально назначенный Москвой первым красноярским воеводой. Поэтому из Тобольска на 1630 г. было отправлено хлебных запасов в Красноярск именно на это количество людей.

Между тем судьба нового острога повисла на волоске. Пока О.Ф. Акинфов с января 1629 г. месяцами добирался из столицы и заботился о живучести порученного ему острога, злостный навет недальновидного енисейского воеводы Аргамакова (в середине 1629 г.) достиг до Москвы, которая усомнилась в необходимости закрепляться на Среднем Енисее. Вдогонку О.Ф. Акинфому первого августа 1630 г. был послан указ на месте решить судьбу острога. По прибытии красноярский воевода убедился, что прежде старший по отношению к Красному острогу енисейский воевода уже наполовину уменьшил красноярский гарнизон. Посланный им тобольский письменный голова Василий Кокарев зимой 1630 г. забрал в Енисейск 150 казаков-добровольцев. Воевода быстренько разослал их, кроме семейных, по отдаленным острожкам [11]. О.Ф. Акинфому, при активной поддержке заинтересованного в усилении своей юго-восточной границы томского разрядного воеводы, пришлось восстанавливать численность первого красноярского гарнизона. Ему удалось вернуть только 60 прежних казаков. Остальных, несмотря на протесты Енисейска, он пытался брать даже среди находившихся в кабале у купцов гулящих и промысловых людей. Кроме того, воевода О.Ф. Акинфов получил в годовую службу, образованную из добровольцев тобольского гарнизона, особую «томскую сотню», сформированную с придачей Томску статуса разрядного города. Ведь с уходом в 1617 году с Андреем Дубенским 90 казаков-добровольцев в Томске оказалась острая нехватка служилых людей. До этого сотня, в которой состояли среди «литвы и черкас» Андрей Сирота и стародубский сын боярский Дементий Злобин, несла годовую службу в беспокойном Притомье, числясь особым подразделением в Тобольске. Их служба не ограничилась одним годом. Это была обычная практика, когда казаки-годовальщики нередко годами жили вне своих официальных мест приписки и проживания. Например, сургутские казаки Темира Иванова, по данным Н.Н. Оглоблина, долго ждали смены, надеясь, что «государь их за их службы и за терпение пожалует своим великим жалованием и перемену на их место к новому году пошлёт и отпустит их» [12, с. 24–32].

Через год часть томских годовальщиков добровольно перешла к красноярскому воеводе О.Ф. Акинфому, а в 1634 г. при воеводе Карамышеве их поверстали в образованную конную сотню. В красноярской окладной книге за 1637 год в конной сотне в десятке атамана Дементия Злобина, среди получавших оклад в 7,25 руб., 7 чети с осьминой муки (30 пудов), по чети крупы и толокна (по 4 пуда), две чети овса показан «Якунко Петров Торгоша» рядом с «Ондрюшкой Михайловым Сиротиной» [10, л.120].

Таким образом, прародитель рода Торгашиных входил в первый восстановленный красноярский гарнизон.

«Яков Петров Торго(а)шин» успешно нес разнообразные службы. К 1663 году он стал десятником конных казаков, обзавелся семьей, но получал прежние денежный и хлебный оклады в виде 7,25 руб., 6 четей с осьминой ржаной муки, четь круп, по два пуда овса и соли [13, л. 340 об.]. Как семейному, оклад ему не прибавили, поскольку он завел небольшую пашню. Судя по двум крепостям на землю от 1646/47 и 1659/60 гг., она появилась у Якова Петровича еще в сороковые годы, а значит, появление подгородной заимки – однодворки на правой стороне Енисея у речки Киковки можно датировать 1645 годом [11, с. 143–144].

О связях же его с енисейским Иваном Григорьевичем Торгашиным данные не обнаружены. Вероятно, Иван основал дер. Торгашинскую, был женат и умер до 1646 г. В этом году 10 июля у вдовы «Анисьи, прозвище Торгашиха» вор «Васька Антонов Золотая ручка» украл ружье и одежду [14].

По подворной же переписи 1671 года Яков уже не глава семьи, а получивший должность отца «десятник Роман Яковлев сын Торгошин» (? – до 1722). Он жил в деревне одним двором с отцом и неверстанным в службу племянником отца «Ивашкой Петровым Торгошиным». Откуда взялся Петр с сыном, не ясно. Вероятно, он мог после отставки прибыть позже и поселиться у Якова. Возможно, при осаде острога в 1667 г., когда погибли многие красноярцы, осиротевший подросток Иван оказался на попечении дяди, а потом и двоюродного брата Романа.

Другие сыновья Якова – холостые конные казаки «Ермачко» – Ермолай и Яков (1650 –), как и замужняя дочь с мужем, тоже жили вместе с отцом и братьями одним двором. Там же показаны «дворовый Якупка Васильев и новокрещен(ый ясачный) Ромашка Павлов и человек их зятя Фомы Павлова новокрещен же Ивашка Григорьев» [7, с. 143, 218–220].

Во время осады Красноярского острога в 1679 г. «...деревню Торгашину киргизский князец Яронячко со своими улусными людьми сожгли, людей побили и частью в полон увели». Уцелевшим, в том числе Торгашиным, пришлось отстраиваться заново [15, л.3-3об.]. В 1694 году у отставного Якова Петровича трое сыновей – Роман, Ермолай и Яков – по-прежнему продолжали служить рядовыми конными казаками. С ним же был другой племянник Якова – Андрей, сын Петра, который показан пешим казаком. Вероятно, после Тубинского похода 1692 г. он перешел из Енисейска к родне. Все они получали только денежный оклад по 3 руб.25 коп., поскольку имели значительное хозяйство [16, л. 42 об., 43 об., 45 об., 53].

Первые Торгашины и взрослые дети Якова и Петра, вошедшие и не попавшие в штат, были заметны, особенно с конца XVII в., в утверждении русских на берегах Среднего Енисея. Так, пеший казак Андрей уча-

ствовал в Тубинском походе против разбойного киргизского князя Шанды в 1692 г. [17, л. 17].

В большом походе 1701 г., когда были разбиты основные силы киргизских князей, участвовали добровольцами – «охочими людьми Ивашка (Петров сын. – Г.Б.), ...знаменщик Ермачко, ... казачий сын Мишка и... конный казак Андрюшка Торгашины». Десятник же Роман в поход ходил даже со «своим человеком» – холопом, которого убили [17, л.92, 93 об., 95 об., 100 об, 107, 121]. После этого Роман Яковлевич с 19 августа по конец сентября 1701 г. даже возглавлял посольство из 4 человек для переговоров с киргизскими князьями и джунгарским наместником в киргизских улусах Абу-Зайсаном. От красноярского воеводы П.С. Мусина-Пушкина «он имел полномочия заключить мир с условием, чтобы киргизские князья приняли «шерть» – присягу служить ...великому государю и прямить во всею правду по своей вере, до своего живота, со всем родом своим, да они ж бы дали шерть на своих детей, на внучат и на правнучат своих и родственников» [Цит. по 18, с. 44–47]. В 1703 году ему поручали выяснить масштабы увода с юга края местного населения джунгарами – черными калмыками».

Торгашины участвовали и в походах 1704–1705 гг. и строительстве Абаканского острога в 1707 г., этого нового опорного пункта в Северном Присяянье. Красноярцы «Ивашко и Якунко Торгашины отмечены в числе 972 служилых людей Томска, Кузнецка. Енисейска и Красноярска. Среди «охочих из казачьих детей» был по-прежнему Мишка, Романа сын, а также пеший казак Ондрюшка Торгашины» [17, л. 25 об., 93]

Дружные Торгошины издавна отличались хозяйственностью и деловитостью. Роман Яковлевич с братьями имели в 1702 году самую большую в деревне пашню в 13 и 2/3 десятин в поле. При этом они для переработки продукции своего довольно крупного земледельческого хозяйства завели в 1682 году одну из девяти имеющихся в уезде мельниц. Интересно, что она показана при дер. «Торгоша» и была записана на «Якова Торгошу». Этим еще раз подтвердилось, что первоначально основатель рода имел, вероятно, прозвище «Торгоша» и первое название современной дер. Торгашинская было Торгоша [11, с. 218, 219, 143, 147].

Зажиточные казаки Торгашины ладили с властями, но из корпоративной солидарности могли участвовать вместе с Суриковых в первой красноярской «шатости». Так, Василий Торгашин был среди тех выборных, что в светлице воеводских хором 8 августа 1698 года вручал письменный отказ от воеводства Дурново и участвовал в его позорном изгнании из города [19, с. 43].

К подворной ландратской переписи 1710 года из 20 дворов растущей д. Торгаши у детей основателей было 2 двора. От семьи Романа отделился Иван Петрович, ставший сыном боярским, с сыновьями Федором и Ильей (1698 –), всего в его семье с холопами было 16 чел. обою пола, в том числе 7 муж. пола [20, л. 81 об.]. В отличие от Ивана женатый Ермо-

лай не вышел из общего хозяйства и «наставился избой своей» на обширном подворье родного брата Романа. Ею он «заставил в окошке свет» в соседней избе конного казака Федора Ковригина, отец которого перешел в д. Торгаши после разорения своей заимки в 1679 году.

Поземельный спор братьев Торгашиных с Ковригиными разбирал с 1711 года даже Сибирский приказ. В результате был подтвержден приоритет детей основателя: «велено от прежней дачи заимки Романа Торгашина отмежевать против наших государевых указов,... и что сверх указанного числа той заимки будет в остатке, то отдать Федору Ковригину» [15, л.3-4 об.].

Через 10 лет по первой подушной переписи и ее ревизии конные казаки Торгашины жили в своей деревне тремя дворами, но часть детей старожиллов уже ушли на свободные земли, поскольку в ближней к Красноярску округе уже ощущалась нехватка пригодных угодий. Сын основателя – 70-летний отставной казак Яков Яковлевич Торгошин с двумя женатыми сыновьями Константином и Михаилом перешел в пятидворную дер. Сыдинскую в плодородной Сыдо-Ербинской котловине. У конного казака Константина 44 лет (род. 1676) были сыновья Федор 14 лет (1706 –), двухлетний Иван и полугодовалый Родион, а у Михаила 25 лет (род. 1695 г.). показан в переписи годовалый сын Григорий. Все жили одним двором. При уходе Якову достался дворовый 17-летний Нестер [8, л. 51 об. двор. 396].

По Енисею, выше между Караульным острогом и дер. Потаповой, основал одну однодворку сын боярский Иван Петрович Торгашин сорока с лишним лет с сыном Федором и Ильей (полный состав семьи и возраст не определяются из-за дефекта нижней части переписного листа [8, л. 63 об. двор. 489].

Эти две побочные ветви Торгашиных обжились на новом месте и пустили корни. Так, в 1797 г., по материалам Минусинской земской избы, Торгашины проживали в четырех населенных пунктах, всего 21 душа обоюбого пола, в том числе д. Сыдинской – 5 душ, Белоярской – 13, Кабыцкой – 2 и Абаканском остроге – 1 душа [21, с. 30–31].

Со временем у них завязались родственные отношения с жителями соседних селений. Так, 30 октября 1771 г. крестьянин Караульного острога Абаканского прихода взял в жены Евфимию Родионовну Торгашину [22].

В сплошь казачьей деревне Торгашинской осталось 19 дворов, из них три Торгашиных. У конного казака, 50-летнего Михаила Романовича (1679 – 17?), были два сына – 24-летний Иван (1696 – ?), 22-летний Михайло (1698 – ?), и внук Андрей трех лет.

Другой двор (№ 892) принадлежал их родному брату, 17-летнему «казачьему сыну Даниле Торгашину», о котором больше не нашлось сведений.

Во дворе под номером 891 у их дяди, конного же казака 35-летнего Константина Яковлевича Торгашина (1685 – 17?) был двухлетний сын Андрей (1718 – 17?). Он недолго числился в служилом сословии как «казачьий сын». Все были неграмотны, поскольку за них подписались другие [8, л. 106].

Новая налоговая система, введенная Петром I в 1719–1724 гг., оказалась чреватой негативными для казачества последствиями. Была даже опасность их растворения в регулярных подразделениях и исчезновения как сословия. В Западной Европе с XVI в. шла революция в военном деле. Бурное развитие огнестрельного оружия привело к появлению регулярной профессиональной армии и флота, коренному изменению тактики и стратегии. Петр I, энергично создавая новую армию, справедливо считал стрельцов и казаков анахронизмом. В молодые годы стрельцов он боялся и ненавидел. На его глазах они подняли на пики родных братьев матери Натальи Кирилловны Нарышкиной. Казачество с его вольностями, волнениями в Астрахани и казачьим восстанием во главе с Кондратом Булавиным тоже плохо вписывалось в создаваемое им «регулярное государство».

Мало того, в Сибири из-за казаков процент неподатного населения оказался необычно большим – до 30 процентов, в то время как во всей России – лишь около одного процента. Это было недопустимо в условиях огромных расходов на длительную Северную войну 1700–1721 гг. и на другие реформы. Новая система налогообложения стала удобным средством исправления этого алогичного с точки зрения верховной власти положения. Единицей налогового обложения стал не двор, а душа мужского пола «от младенцев до сущих стариков». За убылые души должны были платить члены сельских городских общин «соопча раскладкой» до новой переписи, которая их исключала и вносила вновь родившихся. Неподатными оставались дворяне, военные, приказные и духовенство. Перепись населения 1718–1720 гг. и ее проверка-ревизия 1722–1723 гг. стали основой не только налогообложения, но и свидетельством сословной принадлежности, так как впервые внесли в оклад холопов-дворовых, однодворцев из служилых «по прибору», гулящих людей и не вошедших в штат и отставных казаков.

Петр I, несмотря на нелюбовь к казачеству, все же понимал, что в условиях России только казаки, с малыми затратами на них, могли обеспечить минимум безопасности страны в приграничных территориях и решать задачи публичного и эксплуататорского порядка на ее окраинах. Однако их штаты сократили примерно на 30 процентов. В «Красноярском казачьем войске» из 849 осталось лишь 730 верстанных. Причем вначале местные сибирские власти, в том числе в Красноярске, переписали вместе с податными всех штатных и отставных рядовых казаков, включая командную верхушку. При этом они переусердствовали и даже с детей верстанных казаков стали взимать ежегодно по 70 копеек по-

душных и 40 копеек оброчных денег. Это вызвало массовый протест, и в 1728 году таких детей исключили из списков. Остальные заштатные под именем разночинцев и крестьян остались налогоплательщиками. Петр I отменил «московский и сибирский списки дворян и детей боярских», когда за отличие и рядовых казаков, и отставных офицеров регулярных частей, как и их детей, записывали в эти звания.

Правда, на штатной казачьей службе прежние почетные звания потомственных дворян и детей боярских сохранялись до конца века и передавались обычно от отца к сыну. В Красноярске дворянами и детьми боярскими в XVIII в. служили отдельные члены 15–20 семей, в том числе Суриковы, Нашивошниковы, Торгашины, Елисеевы, Дардаевы, Терентьевы, Цыренчиковы, Замятнины, Иконниковы, Красиковы, Толщины, Жаровы, Юшковы, Таракановские. В 1722 году им принадлежало 17 дворов, в 1769 – 18, а в 1784 – 12. Некоторые, в том числе почти все Суриковы и Торгашины, утратили эти звания [23, гл. 4].

Казачий круг мучительно решал – кому остаться в службе. Критериями были личная пригодность по здоровью и возрасту, по происхождению, давности службы и представительности казачьих родов. В каждой староказачьей семье старались оставить хотя бы по одному в штате. Так, двое, Иван и Василий, из трех сыновей конного казака Василия Романовича, и сын его брата Константина Андрей при сокращении штатов в 1724–1728 гг. оказались сразу крестьянами. Возможно, это косвенно говорит о крестьянском происхождении их прадеда Якова Петровича и енисейского Ивана Григорьевича Торгашина.

Братья Романовичи с потомством надолго и прочно осели в своей родовой деревне. Судя по решенным делам Красноярской воеводской канцелярии за 1735 г., конный казак Константин Торгашин был зажиточным. Так, 18 июня он с работником Андреем Терских получил паспорт для торговой поездки в Иркутск. Месяцем позже, 12 июля, конный казак Михаил Торгашин нанял в работу до Иркутска же братьев Тотеевых из койбальских татар [24, л. 81 об., 98 об.].

Из-за отсутствия храма торгашинские казаки духовные свои запросы долго отправляли в Красноярске. Среди служилых людей, судя по исповедным росписям 1769 года, были члены четырех дворов Торгашиных. Они всегда числились прихожанами престижного Красноярского Воскресенского собора. Все сыновья уже обзавелись семьями, но оставались в отцовских подворьях. Сын конного казака Михаила Михайловича, правнук Романа, с 1737 года отставной казак Петр Михайлович 50 лет (1719 – 17?) с женой Меланьей (1681–1795) имел двух сыновей – казака Ивана 13 и Ивана же 7 лет, а также двух дочек. В его семье проживала и мачеха Федосья (1697 – 17?), вдова его отца Михаила.

Общим двором жили дети конного казака Василия Михайловича – родные два брата – крестьянин Емельян Васильевич, 36 лет (1733–1805) с женой Ульяной Ивановной 35 лет, 10-летним сыном Иваном, двумя

дочками-погодками Евдокиями (2 и 1 год), да 30-летний крестьянин Петр Васильевич (1739 – 17?) с женой Евдокией Матвеевной 24 г. (1739–1781), годовалой дочкой Екатериной и сестрой Параскевой 20 лет.

Сложным в семейном отношении был двор казачки, 55-летней вдовы Пелагеи Федоровны Торгошиной (1714–1773). Прямо не сказано, кто был ее мужем, но судя по исповедной росписи 1795 года, это Илья Иванович (1690 – до 1769), сын Ивана Петровича. Этот представитель второй, петровской, и двух первых ветвей общего родословия Торгашиных, в 1741 году нес годовую службу в Абаканском остроге.

Кроме трех его сыновей-казаков: женатого на 23-летней Марии Максимовой сына Емельяна, 26 лет, Стеф(п)ана 21 года, 18-летнего Якова и 10-летней дочери Марьи – с ними жил их вдовый дед, бывший сын боярский, записанный в крестьяне Иван 87 лет (1668 – ?) с дочкой Евдокией 38 лет [25, л. 10]. Судя по имени и возрасту, это Иван Петрович, который на склоне лет с семьей умершего Ильи вернулся в родную деревню Торгашинскую из д. Сыдинской. Возможно, на этом настоял его старший внук Алексей Ильич, живший в Красноярске. Он выслужил дедовское почетное звание «сын боярский» и выполнял ответственные поручения. Так, в 1769 г. этот «красноярский сын боярский Алексей Торгашин» на пяти подводах ездил в Томск за «хлебопахотными инструментами» для раздачи их приведенным из Тобольска посельщикам, которых российские помещики с 1760 года ссылали с зачетом рекрутов [26, л.84]. Косвенным подтверждением этого является проживание в д. Торгашинской по исповедной росписи 1795 г. самого Алексея Ильича Торгошина (1741 – ?) с женой Екатериной Константиновной (1752 – ?), сыном Ильей (1785) и тремя дочерьми на выданье – Еленой (1772), Марфой (1775) и Гликерьей (1780).

Другой же сын, казаком взятый в рекруты Яков Ильич (1751 – до 1802), вернувшийся с солдатской службы, остался в Красноярске с женой Ириной Васильевной (1745), годовалым сыном Петром и тремя подростками-дочерьми. Его братья – казаки Емельян и Степан – по-прежнему жили в Торгашино. У Емельяна Ильича был сын-подросток Осип (1780) и три дочери на выданье. У Степана с женой Феклой Дмитриевой (1771 – ?) показано шестеро детей, в том числе 17-летний Афонасий, погодки Иван (1790) с Федором (1791), годовалый Степан (1795), дочь Васса 10 лет и пятилетняя Гликерия. Детей же братьев – казаков Емельяна и Петра – по шестой ревизии 1819 года уже записали крестьянами.

Так казачья ветвь Петра Петровича, младшего брата Якова, стала крестьянской. Только Яков Ильич стал канцеляристом и после смерти своей через дочь Авдотью породнился с казаками Суриковыми. 5 июня 1815 года ее взял в жены вторым браком конный сотник Матвей Иванович Суриков [26, л. 27, л. 18а; 77, 3, 7]. Еще раньше, с конца XVIII в., казачье-крестьянские семьи Суриковых и Торгашиных стали вступать в

родственные связи. Этому способствовали, в частности, казачье прошлое и соседские контакты и по общей приходской общине. Так, 12 апреля 1808 г. казак конной первой сотни Тихон Степанович Суриков женился на дочери коренного казака Василия Торгашина Агрипине [28, л.17]. 30 января 1810 года казак Иван Степанович Торгашин взял в жены Матрону, дочь умершего крестьянина дер. Торгашинской Степана Сурикова [28, л. 8 об.].

У продолжателей первого (михайловского) ответвления основной Торгашинской ветви общего родословия – внуков Михаила Романовича, братьев Емельяна и Петра Васильевичей, сословный статус и места проживания еще больше разошлись, судя по исповедной росписи 1795 года. Петр по-прежнему жил в Торгашинской, оставался казаком, имел сына Василия (1780 – ?) и трех дочерей на выданье: Марфу 22 лет, Елену 21 года и Акилину 19 лет.

В Красноярске же «за Качей» поселился крестьянин Емельян Васильевич с тремя женатыми сыновьями. У 37-летнего крестьянина Ивана с 38-летней женой Вассой Шиханковой (1761–1854) были сын Дмитрий 19 лет (1789–1837), дочери Параскева 14 лет (1781– ?) и восьмилетняя Евдокия. Молодые, 22-летний конный казак Леонтий с женой-погодком, Анной Емельяновной, детей пока не имели. Младший же сын, крестьянин Иван 16 лет, возможно, не исповедовался, но почему-то, вопреки правилам, это не отметили. Он не умер, поскольку позже женился на Ярославе Прокопьевне (1779), которая в 1798 г. родила дочь Елену.

Важно отметить, что крестьянин Иван Емельянович – старший внук Василия, правнук Михаила, праправнук Романа, прапраправнук Якова Петровича, основателя Торгашинской – породнился с уже живущим в городе крещеным качинским «князцом» Шиканко Михайловичем Филипповым 35 лет, женившись на представительнице его рода Вассе [25, л.21].

Таким образом, одно из ответвлений базовой ветви Романа Яковлевича уже к концу XVIII в. частично стало крестьянским и породнилось с местными качинцами.

Представитель второго (константиновского) ответвления базовой яковлевской ветви основного родословия, упоминавшийся второй внук Романа Яковлевича, казачий сын Андрей Константинович (1718 – до 1795), к 1728 г., как отмечалось, записан в крестьяне, и отец платил за него ежегодно с 1762 г. уже 1 руб.70 коп. прямого налога. Судя по исповедным росписям 1769 и 1773 годов, Андрей взял жену на 10 лет моложе. Марфа Григорьевна (1727 – до 1769/73) родила ему Ивана (1743–1802), Степана (1754–1839), Якова (1758 – до 1815) и дочерей Марью (1744) с Натальей (1761). Все дети оставались крестьянами. Старший Иван был женат на одногодке Авдотье Минеевой / Евдокии (1743–1807) и имел сына, 13-летнего Егора (1760–1825), будущего деда Прасковьи, жены художника [25, л. 34; 27, л. 68 об.]. В 1787 г. женатый его сын, Иван Анд-

реевич, с Авдотьей Минеевной, отделился от отца, построившись рядом. С ними отдельным двором жил сын Егор, записанный, как отец и дед, в крестьяне. Он женился в 21 год, взяв в жены старше на два года Марфу Козьминичну (1758 – 1820). У них уже было три сына – Федор (1780–1845) – будущий отец Прасковьи, матери художника; Матвей (1782–1839), Андриан (1784–1848) и двухлетняя дочь Татьяна (1785 – до 1800) [29, л.77].

По исповедной росписи 1795 года видно, что осиротевшие дети и внуки Андрея со своими семьями переселились из д. Торгашинской «за Качу», на заимку близ Красноярска, где уже жил Емельян с семьей. Там у Егора Ивановича с женой Марфой родились еще трое: Александр (1788 – ?), Ирина (1785) и Ефросинья (1791–1835). С 1802 года с Егором до смерти в 1807 году живет овдовевшая его мать. В 1820 году 60-летний вдовец Егор Иванович женился второй раз на Лукерье [28, л. 14; 29, л. 78, 79 об.].

У дяди Егора, крестьянина Степана Андреевича, жена Наталья Филипповна (1751) была старше на два года. Их семья состояла из сыновей Ивана (1774), Льва (1775), Семена (1788) и дочери – 12-летней Анны.

Третий сын Андрея Константиновича, крестьянин Яков (1758 – до 1815), взял в жены «Степаниду, Шиханкову дочь», которая была на пять лет его старше и тоже относилась в роду качинского князца Шиханка. У этих Торгашиных контакты с ясачными качинцами явно расширились. Так, вероятно, Федор даже побывал крестным отцом при крещении взрослого ясачного Семена Федоровича Торгашина (1757 – ?). По исповедной росписи 1795 г., этот 38-летний Семен с женой 47 лет жил общим двором в д. Торгашинской с братом Павлом 33 лет с женой-погодком Вассой и женатым на 17-летней Агрипине братом Иваном 28 лет. С ними жила мать хозяина, вдова Авдотья Никитична 57 лет [30, л. 35–35 об.].

По исповедной росписи 1811 г., Федор Егорович 29 лет с женой Анастасией (Ириной) Ивановной 22 лет (1789–1839) имели двух детей: Степана (1810–1849) и дочь Агафью (1808). С ними одним двором жили брат родной Матвей с женой Марианной, дочерью крестьянина Василия Лалетина из д. Шиверской (1785–1835) [29, л. 79 об., 82].

По выпискам С.Н. Мамеева из списков 6-й ревизии 1819 г., в Торгашинской жили по-прежнему две семьи из ветви Петровичей. Уже у крестьянина, а не казака, Леонтия Емельяновича семья пополнилась, кроме Константина (1796–1842), еще двумя сыновьями – Иваном (1809) и годовалым Василием. У его брата Осипа семья состояла из жены, из двух сыновей – Василия 10 лет и Варфоламея 8 лет. С ними жила их бабка, 73-летняя мать Ивана Федосья (1746–?).

Из членов основной торгашинской ветви общей родословной в ревизии по д. Торгашинской показан двор дяди Федора Егоровича, 75-летнего крестьянина Степана Андреевича с сыном Иваном 57 лет и женатым внуком, 28-летним Иваном же.

Семья же крестьянина Федора Егоровича Торгашина, будущего отца матери художника, вернулась в д. Торгашинскую позже. Мамеев приводит выписки о ней из 7-й ревизии 1832 года. По ней 51-летний Федор Егорович по-прежнему живет большой семьей. У брата Матвея родились дочери Анна (1814), Мария (1817) и Ольга (1820). У Александра с женой Агафьей были сын Иван (1807), Павел (1832) и дочь Соломония (1821). Были еще бездетные брат Андриан и дочь, старая дева Анна 33 лет. У самого же Федора с женой Анастасией, умершей от «горячки» в 1839 году, к тому времени родились сыновья Степан (1810 – ?), дочь Прасковья (1818–1895) и Гаврила (1824). Однако Федор почему-то не показал в сказке свою дочь Прасковью, которая по исповедной росписи за 1818 г., родилась 13 октября этого года. Возможно, девочка была слабенькой, и родители не чаяли, что она будет жить. «Восприемницей» будущей матери Василия Ивановича Сурикова выступила тетя, 33-летняя «девица» Ирина. Правда, Мамеев ошибочно записал отца Прасковьи Федором Федоровичем.

Брат Прасковьи, 22-летний Степан Федорович, довольно рано женился на молодой Адотье, и у них родились три дочки-погодки Евлампия (1827), Мария (1828) и Татьяна (1829) [28, л. 4 об.; 29, л. 79 об., 82].

Об этих дочерях Степана, доводившихся художнику двоюродными сестрами, и своих двоюродных дедах, братьях Федоре и Матвее Егоровичах, в их доме тепло и сердечно вспоминал Василий Иванович Суриков на склоне лет в беседе с Максимилианом Волошиным, поэтом и художественным критиком: «Торгашины были торговыми казаками, но торговлей не занимались, чай с китайской границы возили от Иркутска до Томска. Старики неделенные жили. Семья была богатая... Сестры мои двоюродные – девушки, совсем такие, как в былинах поется про двенадцать сестер. Трое их было: Таня, Фаля и Маша, дочери дяди Степана... Песни старинные пели тонкими певучими голосами. В девушках красота была особенная – древняя, русская. Сами крепкие, сильные. Волосы чудные. Все здоровьем дышало. Помню, старики, Федор Егорыч и Матвей Егорыч, под вечер на дворе в халатах шелковых выйдут, гулять начнут и «Не белы снеги» поют. Там старина была...» [30, л. 194–195].

Итак, прямая поколенная роспись матери великого художника Василия Ивановича Сурикова являлись старшей основной ветвью общего родословия Торго(а)шинных и состояла из девяти звеньев: пробанд Прасковья – дочь, Федор – отец, Егор – дед, Иван – прадед, Андрей – пращур, Константин – прапращур, Роман – прапрапращур, Яков – прапрапращур, Пётр – прапрапрапращур.

Обширное общее родословие Торгашиных состояло из двух ветвей (от Якова и Петра), каждая разветвлялась за 300 лет на несколько направлений, и даже неполное насчитывалось до 1000 человек различного сословно-социального статуса, рода деятельности, национальной принадлежности. В геноме гениального художника и со стороны матери отразились гены выходцев не только представителей двух (южной и северной) ветвей русского народа, но и самодийско-тюркского этноса.

Литература

1. Тенин О.П. Из воспоминаний // Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. – Л.: Искусство, 1977.
2. Евдокимов И.В. В.И. Суриков // Записки музея. – М., 1933. – Вып. XV; Давиденко И. Василий Иванович Суриков. – Красноярск, 1948; Титова В.Г., Титов Г.А. В.И.Суриков. – М., 1956; Машковцев М.Г. Суриков. – М.,1960; Кончаловская Наталья. Ох, родина, родина // Красноярский комсомолец. – 1963. – 25 января; Кончаловская Наталья. Дар бесценный. – Красноярск, 1978. – С. 304; Кончаловская Н.П. Суриково детство. – Красноярск, 1989; Волошин М. Суриков (публикация и комментарии В.Н. Петрова). – Л.: Художник,1985; Титов Г.А. Суриков и Сибирь. Красноярск: Кн. изд-во,1999.
3. ГАКК. Ф-Р.1675. Оп.1. Д. 86. 99 л.; Подробнее: Мирошникова Т.И. У истоков архивного дела // Красноярский архивист, 2010. – №1. – С. 1.
4. ГАКК. Ф-Р.1675.Оп.1. Д. 98. 24 л.
5. Быконя Г.Ф. Новое о предках гениального русского художника В.И. Сурикова // Социокультурное развитие Сибири: мат-лы Сибирского исторического форума (2–5 декабря 2014 г.). – Красноярск, 2014.
6. Суриков В.И. Давние дни. Встречи, воспоминания. – М., 1941; Суриков В.И. Письма. – М., 1941; Суриков В.И. Давние дни. Встречи, воспоминания. – М., 1941; Суриков В.И. Письма. – М., 1948; Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. – Л.: Искусство, 1977. – 1948 с.
7. Бахрушин С.В. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. IV. Приложение. Переписные книги г. Красноярска и Красноярского уезда 1671. – С. 215–230.
8. Перепись города Красноярска и его уезда. 1719–1722. – М.: Ломоносовъ, 2014; Фото и машинописное издание И.А. Сиротинина / подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.А. Лифшиц. Сноски на 1-ю ревизию далее даются по этому изданию.
9. Российский государственный архив древних актов. Москва (РГАДА). Ф.214. (Сибирский приказ). Оп. 5. Д. 626; Д. 2242 (подворная (ландратская) перепись), ныне показана в Оп.2. Д.1603. Л.15; Ф.350 (Ревизские сказки). Оп.3. Д.5537, ныне показана в Оп. 2. Д. 1061; Ф.1019 (Красноярская воеводская канцелярия). Оп.1. Д. 46. Л. 52-53; Д. 65. Л.49-66 об., 90; Ф.273. Оп.1. Ч.1. Д.31796. Л.10.
10. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.70.
11. Бахрушин С.В. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. IV. – 258 с.
12. Оглоблин Н.Н. Описание столбцов и книг Посольского Приказа. – М.,1897. – Кн.1.
13. РГАДА. Ф.214. Оп. 1. Кн. 438.
14. Эту информацию любезно сообщил историк П.Н. Барахович.
15. РГАДА. Ф.214. Оп. 5. Д.2068.
16. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.738.

17. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн. 1023. Цит. по: *Быконя Г.Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – 246 с.
18. *Оглоблин Н.Н.* Красноярский бунт 1695–1698 гг. (к истории народных движений XVII века) // Журнал министерства народного просвещения. – 1901. – 47 с.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2242.
20. *Ватин В.А.* Село Минусинское. Очерк истории. – Минусинск: Тип. Метелкина, 1914. – 181 с.
21. ГАКК. Ф.592. Оп. 2. Д. 3.
22. *Быконя Г.Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири XVIII – начала XIX века (демографо-сословный аспект) // Избр. тр. – Красноярск, 2015. – Т.3.
23. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Часть 8. Д.517.
24. ГАКК. Ф. 592. Оп.1. Д.26.
25. РГАДА. Ф.173. Оп.1. Часть 7. Д. 21782.
26. ГАКК. Р-1. Ф. 1675.Оп.1. Д. 86; ГАКК. Ф. 592. Оп.1. Д. 26.
27. ГАКК. Р-1. Ф. 1675.Оп.1. Д. 98.
28. ГАКК. Р-1. Ф. 1675.Оп.1. Д. 86
29. ГАКК. Ф. 5 92. Оп.1. Д. 216.
30. *Волошин М.* Суриков (публикация и комментарии *В.Н. Петрова*). Л.: Художник,1985.

Literatura

1. *Tenin O.P.* Iz vospominanij // Vasilij Ivanovich Surikov. Pis'ma. Vospominaniya o hudozhnike. – L.: Iskusstvo, 1977.
2. *Evdokimov I.V.* V.I. Surikov // Zapiski muzeya. – M., 1933. – Vyp. XV; *Davidenko I.* Vasilij Ivanovich Surikov. – Krasnoyarsk, 1948; *Titova V.G., Titov G.A.* V.I.Surikov. – M., 1956; *Mashkovcev M.G.* Surikov. – M.,1960; *Konchalovskaya Natal'ya.* Oh, rodina, rodina // Krasnoyarskij komsomolec. 1963.25 yanvary; *Konchalovskaya Natal'ya.* Dar bescennyj. – Krasnoyarsk, 1978. – S. 304; *Konchalovskaya N.P.* Surikovo detstvo. – Krasnoyarsk, 1989; *Voloshin M.* Surikov (publikaciya i kommentarii V.N. Petrova). – L.: Hudozhnik,1985; *Titov G.A.* Surikov i Sibir'. – Krasnoyarsk: Kn. izd-vo,1999.
3. ГАКК. F-R.1675. Оп.1. Д. 86. 99 л.; Podrobnее: *Miroshnikova T.I.* U istokov arhivnogo dela // Krasnoyarskij archivist. – 2010. – № 1. – S. 1.
4. ГАКК. F-R.1675. Оп.1. Д. 98. 24 л.
5. *Bykonya G.F.* Novoe o predkah genial'nogo russkogo hudozhnika V.I. Surikova // Sociokul'turnoe razvitie Sibiri: mat-ly Sibirskogo istoricheskogo foruma (2–5 dekabrya 2014 g.). – Krasnoyarsk, 2014.
6. *Surikov V.I.* Davnie dni. Vstrechi, vospominaniya. – M., 1941; *Surikov V.I.* Pis'ma. – M., 1941; *Surikov V.I.* Davnie dni. Vstrechi, vospominaniya. – M., 1941; *Surikov V.I.* Pis'ma. – M., 1948; *Vasilij Ivanovich Surikov.* Pis'ma. Vospominaniya o hudozhnike. – L.: Iskusstvo, 1977. – 1948 s.

7. *Bahrushin S.V.* Ocherki istorii Krasnoyarskogo uezda v XVII v. – M.: Izdvo AN SSSR, 1959. – T. IV. Prilozhenie. Perepisnye knigi g. Krasnoyarska i Krasnoyarskogo uezda 1671. – s. 215–230.
8. Perepis' goroda Krasnoyarska i ego uezda. 1719–1722. – M.: Lomonosov", 2014; Foto i mashinopisnoe izdanie I.A. Sirotinina / podgotovka teksta i kommentarii *G.F. Bykonya, A.A. Lifshic*. Snoski na 1-yu reviziyu dalee dayutsya po ehtomu izdaniyu.
9. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. Moskva (RGA-DA). F.214. (Sibirskij prikaz). Op. 5. D. 626; D. 2242 (podvornaya (landratskaya) perepis'), nyne pokazana v Op.2. D.1603. L.15; F.350 (Revizskie skazki). Op.3. D.5537, nyne pokazana v Op. 2. D. 1061; F.1019 (Krasnoyarskaya voevodskaya kancelyariya). Op.1. D. 46. L. 52-53; D. 65. L.49-66 ob., 90; F.273. Op.1. Ch.1. D.31796. L.10.
10. RGADA. F.214. Op.1. Kn.70.
11. *Bahrushin S.V.* Ocherki istorii Krasnoyarskogo uezda v XVII v. – M.: Izdvo AN SSSR, 1959. – T. IV. – 258 s.
12. *Ogloblin N.N.* Opisanie stolbcov i knig Posol'skogo Prikaza. – M.,1897. – Kn.1.
13. RGADA. F.214. Op. 1. Kn. 438.
14. Ehtu informaciyu lyubezno soobschil istorik P.N. Barahovich.
15. RGADA. F.214. Op. 5. D.2068.
16. RGADA. F.214. Op.1. Kn.738.
17. RGADA. F.214. Op.1. Kn. 1023. Cit. po: *Bykonya G.F.* Zaselenie russkimi Prienisejskogo kraya v XVIII v. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – 246 s.
18. *Ogloblin N.N.* Krasnoyarskij bunt 1695–1698 gg. (k istorii narodnyh dvizhenij XVII veka) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya. – 1901. – 47 s.
19. RGADA. F. 214. Op. 5. D. 2242.
20. *Vatin V.A.* Selo Minusinskoe. Ocherk istorii. – Minusinsk: Tip. Metelkina, 1914. – 181 s.
21. GAKK. F.592. Op. 2. D. 3.
22. *Bykonya G.F.* Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoj Sibiri XVIII – nachala XIX veka (demografo-soslovnyj aspekt) // Izbr. tr. – Krasnoyarsk, 2015. – T.3.
23. RGADA. F.214. Op.1. Chast' 8. D.517.
24. GAKK. F. 592. Op.1. D.26.
25. RGADA. F.173. Op.1. Chast' 7. D. 21782.
26. GAKK. R-1. F. 1675.Op.1. D. 86; GAKK. F. 592. Op.1. D. 26.
27. GAKK. R-1. F. 1675.Op.1. D. 98.
28. GAKK. R-1. F. 1675.Op.1. D. 86
29. GAKK. F. 5 92. Op.1. D. 216.
30. *Voloshin M.* Surikov (publikaciya i kommentarii *V.N. Petrova*). L.: Hudozhnik,1985.

